

Галина Михайловна Коршунова была моим первым преподавателем рисования. Благодаря моей маме, которая, будучи врачом и не имея художественного образования, в моих первых рисунках заметила отличия от того, что обычно изображают все дети, я попал во Дворец пионеров им. А. А. Жданова. Мама начала собирать мои работы с четырехлетнего возраста. Во Дворец пионеров она меня привела в семь лет, когда я поступил в первый класс. Мои детские работы понравились и я был принят в группу Галины Михайловны.

Прошло конечно много времени, некоторые детали стерлись из памяти. Но осталось ощущение спокойствия, доброты, которое она создавала. Всегда была элегантно со вкусом одета. Теперь я понимаю, что это был именно художественный вкус, который проявлялся во всем. И именно элегантно, а не как сейчас говорят «неформально». Выражение лица было доброе, располагающее к себе. В детстве я не отличался примерным поведением, и родители, я думаю, в глубине души волновались, как я себя проявлю во Дворце пионеров. На первом родительском собрании мама спросила про мое поведение и была крайне удивлена, узнав, что я оказывается тихий и спокойный мальчик. Как ни странно, но во время занятий это было действительно так. Даже в отсутствие педагога я увлеченно рисовал и не пытался что-либо натворить. Конечно не смог удержаться и не покрасить гуашью гипсовую маску льва, которая висела на стене. Но это была традиция, маску льва красили регулярно и это среди детей не считалось нарушением дисциплины. В том, что я полностью на занятиях погружался в рисование, была целиком заслуга Галины Михайловны. Она сумела увлечь рисованием, без крика, без давления заставила себя слушать. Видимо в этом и заключается талант педагога, чтобы ребенок воспринимал все естественно и без нажима. Кроме того у нас сразу возникла взаимная симпатия, которая затем переросла в дружбу, о чем я конечно сразу даже и не подозревал.

В первые годы обучения очень важно не отбить у ребенка желание рисовать. И этим принципом руководствовалась Коршунова. Она старалась незаметно «заразить» рисованием. Давления на занятиях не было, она аккуратно направляла детей в нужное русло, считая, что жесткие требования, так называемую «школу», надо отложить до достижения ребенком лет 12, когда уже появляется усидчивость и способность сознательно воспринимать профессиональное обучение. Из ее советов, я твердо запомнил, что не надо все красить одним цветом. Для тех, кто пытался делать в работе какой-либо предмет одной краской давалось задание «20 оттенков зеленого», «20 оттенков синего» и т. д. Однообразия в цвете она не терпела. Галина Михайловна научила основам композиции, сначала делали маленькие эскизы карандашом, потом уже переходили к большому листу. Работы делали гуашью. Обучение проходило успешно, работы регулярно выставлялись. И свидетельством наибольшего «успеха» было то, что несколько раз мои работы с выставки во Дворце пионеров украли.

Впервые с подачи Коршуновой я сделал линогравюру, эта техника мне очень понравилась. Видимо сказывалась моя внутренняя тяга к черно-белому изображению. Потом были перо и тушь, которые стали моей любимой техникой.

Данная техника позволяет делать детально проработанные вещи, при этом можно использовать совершенно разный штрих, создавать объемное изображение, использовать темные пятна. Видимо тогда я впервые непроизвольно стал пытаться передать глубину пространства, стараясь создать завершённый фрагмент изображения, выстраивая на бумаге свой фрагмент мира. Перо и тушь мне нравились еще и тем, что если гуашь педагог иногда мог поправить сам, то в этой технике никто и никогда не вмешивался в мою работу.

Именно занимаясь во Дворце пионеров я сделал натюрморт пером, который затем помог мне попасть в будущем к другим педагогам. Думаю, что без этой работы мое дальнейшее обучение не состоялось, т. к. остальные работы не сильно впечатляли, но увидев этот натюрморт отношение ко мне сразу менялось. Конечно эта работа не была единственной, но работы сделанные во Дворце пионеров и признанные удачными

оставались в фондах, поэтому из этого периода у меня осталось очень мало работ. А этот натюрморт я сделал дома, поэтому честно мог себе его оставить.

Эта же работа наталкивала преподавателей на мысль об офорте. Благодаря этому натюрморту я попал к Давыдову, но про Анатолия Захаровича написано отдельно.

Фактически я приходил к Галине Михайловне во Дворец пионеров до конца 10 класса. Потом был первый курс института, затем армия и возвращение из армии. Мы продолжали общаться, я звонил, заходил к ней во Дворец пионеров, домой. Обсуждали мои работы, разговаривали. Последний раз я был у нее дома осенью 1988 года. Уже знал про ее болезнь, но внешне это не проявлялось и в самое худшее не верилось. Когда я позвонил в начале января, ее уже не было.

Благодаря Галине Михайловне я стал рисовать и не бросил это занятие. Она сумела заложить в меня основы, которые помогли стать художником. Для меня Коршунова остается первым и самым любимым педагогом.